

М. Я. СЮЗУМОВ

**О СОЦИАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
„ВАСИЛИК“**

В гениальных трудах И. В. Сталина по вопросам языкознания дано в предельно ясной форме определение надстройки, порождаемой базисом и в то же время активно воздействующей на него. В письме к тов. Крашенинниковой И. В. Сталин указал: „Специфические особенности надстройки состоят в том, что она обслуживает общество политическими, юридическими, эстетическими и другими идеями и создает для общества соответствующие политические, юридические и другие учреждения“.¹

Это положение И. В. Сталина заставляет нас по-новому поставить вопрос о юридических памятниках и, в частности, о памятниках римского права. В юридических документах принято было видеть только отражение общественных условий того времени, когда они были изданы. Рескрипты Северов, действительно отражавшие социально-экономические отношения в Римской империи на рубеже II—III вв., использовались историками лишь для характеристики римского общества этого времени; исследователи не считали возможным использовать их для характеристики общества VI и IX—X вв., когда эти рескрипты были включены в состав „Кодекса“ Юстиниана и „Василик“. Между тем эти рескрипты могли сделаться действующими законами VI и IX—X вв. только потому, что они соответствовали материальным интересам господствующих классов и юридическим воззрениям того времени. Войдя в своды действующего права IX—X вв., эти законы направляли деятельность соответствующих юридических учреждений, активно воздействовали на базис, стимулировали или задерживали развитие общественных отношений того времени. Таким образом, труды И. В. Сталина заставляют нас пересмотреть традиционное отношение к „Василикам“, которые прежде исследователи считали простой копией старинных законов, утверждая, что текст „Василик“ (довольно близкий к „Дигестам“) якобы не может служить источником для характеристики общества IX—X вв.

Между тем именно нормы „Василик“, а не „Эклоги“, были действующим правом с конца IX в., по крайней мере в крупных городах Византийской империи. Это мы можем заключить из требований „Книги Эпарха“, из сборника судебных решений XI в. („Пира“), из многочисленных компендиумов и алфавитных справочников, из категорических указаний церковных комментаторов, которые считали действительными только новеллы, включенные в свод „Василик“.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 36.

В ряде купчих грамот XIII—XIV вв. приводятся обязательства продавца не возбуждать дела об аннулировании сделки, причем указывается название именно тех статей „Василик“, на основании которых можно было объявить сделку недействительной.¹ Афонские акты показывают, что римская юридическая теория владения (*voyn*) и собственности (*δεσποτεία*) использовалась в спорах сторон.² Все положения „Василик“ об оформлении завещаний, о свидетелях, о легатах в основном соблюдены в афонских актах.

Все это говорит о том, что на „Василики“ следует смотреть не как на некое литературное изложение старинных законов, а как на действовавшее в X в. право. Случаи из юридической практики II—VI вв. послужили как бы юридическим прецедентом, на основании которого действовало право X—XI вв. При этом для исследователя общества X—XI вв. важен не самый прецедент, а те юридические воззрения и установки для судебной практики, которые обосновывались данным прецедентом.

При использовании текста „Василик“ необходимо иметь в виду исключительную сложность обстановки генезиса феодализма в Византии.

После краха рабовладельческого строя, после славянских вторжений в Византию в VI—VII вв. Юстинианов свод законов оказался неприемлемым. Византийская деревня и аграризировавшиеся мелкие города провинции стали развиваться приблизительно по тому же пути, по которому шло развитие Меровингской Франции. Свободный крестьянин-общинник стал основным непосредственным производителем. Дальнейшее развитие деревни шло по линии превращения свободного крестьянина в феодально-зависимого. Этот путь развития отражен в „Земледельческом законе“ и в новеллах X в. Но в Византии осталось несколько городов, значение которых не только не уменьшилось, но даже возросло. Такими городами были Константинополь, Фессалоника, Трапезунд и некоторые другие.

Именно в период глубокого упадка культуры на Западе Константинополь был поставщиком предметов роскоши для церкви и феодальной знати Запада, равно как Фессалоника являлась посредником в торговле между греческим и славянским миром.

Эти города были, по выражению К. Маркса, „крупными эмпориями“, „где, стало быть, производство, так сказать, естественно, рассчитано на меновую стоимость“,³ где элементы натурального хозяйства могли быть минимальными и где товарные отношения преобладали на общем фоне натурально-хозяйственных отношений в провинции.

Эти немногочисленные города-эмпории имели большое население, были крупными центрами потребления, а также и культурными центрами и оказывали мощное влияние на идеологию и характер политических учреждений того времени.

„Эклога“ ни в коем случае не могла бы регулировать отношения внутри крупных городов-эмпорий. Эти города должны были иметь юридические воззрения и нормы права, соответствующие своей экономике. Но для этого константинопольским дельцам X в. нечего было изобретать новое право — они могли воспользоваться готовыми формулами Юстинианова права, ибо оно представляло собой совершеннейшую

¹ L. Petit. Actes de Chilandar. „Византийский Временник“, т. XVII, 1911, прилож., стр. 66, 69, 234.

² F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, München, 1948, № 57.

³ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Партиздат, 1940, стр. 48.

форму права, имеющего своей основой частную собственность.¹ Иначе говоря, издание „Василик“ было вызвано потребностями торгово-ремесленной верхушки больших городов-эмпорий, где существовали сложные отношения обязательств, товариществ и кредита. Поэтому мы не можем согласиться ни со взглядами юристов школы Пухта, которые отрицали всякое значение „Василик“, ни с теми историками,² которые в характеристике правовых норм X—XI вв. не считались с данными „Василик“.

Значение „Василик“ не ограничивалось тем, что они являлись действующим правом городов-эмпорий и втянутой в товарные отношения периферии этих городов. Дело в том, что византийским городам-эмпориям не удалось подчинить полностью провинцию, не удалось превратиться в аристократические торговые республики типа Венеции. Поэтому в „Василиках“ учтены не только интересы городов-эмпорий, но и интересы развивающейся по „меровингскому“ образцу фемной знати и интересы высшего чиновничества. Все это сделало „Василики“ документом чрезвычайно сложным, где формулировки старинного юридического прецедента преломлялись через призму противоречивых интересов различных прослоек господствующего класса Византии в эпоху генезиса феодальных отношений.

В настоящей статье мы не ставим перед собою задачи разбора норм действующего права „Василик“ в целом. Нашей целью является освещение вопроса об отношении „Василик“ к различным формам насилия.

И. В. Сталин в своем гениальном труде „Экономические проблемы социализма в СССР“ предостерегает от ошибочного преувеличения роли внеэкономического принуждения при феодализме. Он пишет: „Конечно, внеэкономическое принуждение играло роль в деле укрепления экономической власти помещиков-крепостников, однако, не оно являлось основой феодализма, а феодальная собственность на землю“.³ Таким образом, И. В. Сталин особо подчеркивает, что основой феодализма является феодальная собственность на землю, вместе с тем указывая на то, что известную роль в укреплении власти феодалов сыграло также и внеэкономическое принуждение.

Само собою разумеется, что законодательство, отражавшее в основном интересы товаропроизводителей в городах-эмпориях, должно было в первую очередь защищать от насилия частную собственность, ибо без ее охраны было бы невозможно накопление. Но также несомненно, что в законодательстве византийского общества X—XI вв., на которые приходится завершающий этап генезиса византийского феодализма, эта „защита собственности“ не могла стать эффективным средством охраны трудовой собственности, не должна была препятствовать хищническим аппетитам ростовщической и торговой аристократии городов и фемной военно-землевладельческой знати.

Наше исследование мы начнем с анализа отношения „Василик“ к сделкам и соглашениям, заключенным под давлением насилия.

Подобные сделки могли быть заключены под страхом перед незаконными действиями чиновников, угрожавших использовать свою власть, чтобы заставить богатого собственника заключить невыгодную сделку.

¹ См. Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1950, стр. 97.

² В настоящее время А. П. Каждан отрицает всякое значение „Василик“ как источника для X—XI вв. (Рабы и мистии в Византии в IX—XI вв. „Ученые записки Тульского пединститута“, вып. 2, 1951).

³ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 41.

Однако законодательство города-эмпории должно было встать на защиту собственника против превышения власти чиновников.

Но, с другой стороны, в византийском обществе X—XI вв. грабеж мелких свободных собственников проходил под „благовидной“ формой „законного“ соглашения терроризованного бедняка с влиятельным соседом — вельможей. Поэтому в интересах господствующего класса было придать таким сделкам некоторое формальное обоснование, помешать протесту ограбленных бедняков.

В Юстиниановом праве статьи, рассматривающие вопрос о насилии при заключении сделок, сосредоточены в Cod. II, 20: De his, quae vi metusve causa gesta sunt (о том, что было совершено под воздействием насилия или угрозы). В титуле приведено 12 решений императоров III—V вв. по случаям судебной практики.

Соответствующие статьи помещены также в Dig. IV, 2: Quod metus causa gestum erit (что будет сделано под воздействием угрозы). Титул состоит из фрагментов сочинений юристов II и начала III вв., главным образом Ульпиана, Павла и отчасти Гая.

В „Василиках“ данная тема разбирается в очень пространным титуле (Basil. X, 2), который имеет заглавие *ὅπερ φόβου χάριν πραττόμενον εἴη*, т. е. „о сделках, заключенных под воздействием угрозы“. 23 статьи этого титула заимствованы из Dig. IV, 2, а 12 — из Cod. II, 20.

Основное положение закона:

1. Сделка, заключенная под воздействием угрозы, не имеет законной силы (*τὸ κατὰ φόβον γινόμενον οὐκ ἔρρωται*).

2. Под насилием понимается применение мощного воздействия, противостоять которому нет возможности (*βία δὲ ἐστὶ μέγαλον πράγματος ἐπέλευσις, ἣν οὐ δύνατον ἀπωθεῖσθαι*).

В качестве образца сделки, совершенной под воздействием угрозы, приводится следующий пример: человек, задолжавший 40 номисм, был запуган и дал обязательство уплатить триста номисм. Суд присуждает насильника выплатить пострадавшему в четверном размере.¹

Бросается в глаза необычная для „Василик“ краткость передачи текста „Дигест“. Наоборот, статьи „Кодекса“ приведены в необычной для „Василик“ распространенной форме.

Лаконичные резолюции римских императоров переданы в картинном изложении, в виде небольших рассказов, причем везде употребляется слово *βασίλεις*, словно речь шла о византийской практике.

При ближайшем ознакомлении с содержанием этих статей можно видеть, что они посвящены не столько мерам по обузданию тех, кто осуществляет насилие, сколько защите тех, против кого был вчинен иск *quod metus causa* (из 12 статей 8 отвергают жалобы обиженных). Таким образом, правильнее было бы назвать этот титул: „Против тех, кто жалуется на насилие“.

Приведем вкратце содержание некоторых статей.

Некий проситель (ст. 25) пожаловался императору, что он под воздействием насилия принял на себя обязательство (*ἐπηρωτήθη κατὰ βίαν*) и потом выполнил его; он просил теперь, чтобы ему вернули деньги, как исторгнутые путем насилия. Император отверг иск, аргументируя тем, что проситель, насилием принужденный дать обязательство, не должен был его выполнять.

Аргументация императора несостоятельна: ведь если могущественное лицо могло силой заставить дать обязательство, то неужели оно не

¹ Basil. X, 2.14, 14 (из Dig. IV, 2.14, 14).

может силой заставить и выполнить обязательство? Ответ императора явно защищает насильника.

Пожаловался проситель (ст. 29) царю, что он продал сенатору (συγκλητικῷ τινι) некоторое имущество; по его словам, продажа была вынужденная, причем мотивировал он это разницей в положении простого человека (ιδιώτης) и сенатора (συγκλητικός). Император отклонил жалобу, считая мотивировку недостаточной.

Необходимо заметить, что несколько десятилетий спустя, когда наступление динатов на свободное крестьянское землевладение затронуло интересы константинопольской знати, подобный вывод (разница в положении контрагентов) считался вполне достаточным для аннулирования сделки. Совершенно ясно, что динат-сенатор имел возможность принудить бедняка к заключению невыгодной для последнего сделки, ибо отказ от сделки, предложенной сильным и влиятельным человеком, мог повлечь за собой неприятные последствия.

Некто пожаловался императору (ст. 31), что продал сад и дом протевону города (πρωτεύων τῆς πόλεως). Он заявил, что эта продажа была совершена под воздействием угрозы, так как протевон мог назначить его на общественные повинности (λειτουργήματα πολιτικά). Жалобщик просил императора аннулировать сделку и заставить покупателя вернуть ему дом и сад. Император отклонил просьбу, считая, что попытка спастись от общественной повинности незаконна и не может быть выставлена как аргумент в пользу истца.

Кто же такой этот протевон? В Cod. II, 20.8 (откуда заимствована данная статья) нет латинского термина, обозначающего положение покупателя и соответствующего πρωτεύων „Василик“. Очевидно, πρωτεύων τῆς πόλεως данной статьи — это не архонт, а знатный горожанин, который наряджал население на выполнение *civilia munera*, общественных повинностей.

Из речей Либания мы узнаем, в каких ужасных условиях приходилось отбывать эти „общественные повинности“. Трудно представить, что эти условия изменились к лучшему за время с IV по X в. Понятно, что простые горожане, желая спастись от повинностей, нередко соглашались на невыгодные сделки.

„Василики“, отказываясь признавать в таких случаях иск *quod metus causa*, фактически стоят на защите интересов насильника.

Некто пожаловался (ст. 32) на то, что угрозами его принудили заключить соглашение: „Он много кричал на меня или заставлял других кричать (κράξας πολλὰ κατ' ἐμοῦ ἢ καὶ ποιήσας καὶ ἑτέρους τινὰς κράξαι)“. Царь отклонил просьбу, заявляя, что одни крики и угрозы не есть достаточная причина страха, что необходимо выставить более серьезные основания, чтобы доказать незаконность сделки. Подобным же образом в ст. 33 рассматриваются случаи, когда некоторые лица, боясь, что против них будет возбуждено судебное преследование, или желая, чтобы противник прекратил судебное дело, заключали те или иные сделки и позднее просили аннулировать эти сделки, как совершенные под воздействием угроз. Согласно закону, эти сделки не могли считаться вынужденными.

В ст. 21 указывается, что если договор заключен под угрозой какого-либо разоблачения, пострадавший не может жаловаться (например, вольноотпущенник, которому грозили разоблачением его непочтительного отношения к патрону) — в данном случае „не имеет места иск по статье «под воздействием угрозы», так как он сам причина своего страха“ (οὐ χώρα τῇ διὰ τὸν φόβον αἰτία, αὐτὸς γὰρ ἑαυτῷ τὸν φόβον ἐπήγαγεν).

Эта статья давала простор для разного рода вымогательств у вольноотпущенников, ибо именно они по большей части занимались мелкой торговлей и ремеслом.

Мы видим, что законодательство оставляло много лазеек для того, чтобы знать имела возможность путем насилия заставить мелких собственников заключать невыгодные для себя сделки.

Для уточнения того, что понималось под термином „сделка под воздействием угрозы“, в Basil. X, 2.30 (из Cod. II, 20.7) перечислялись условия, дававшие возможность требовать аннулирования продажи, обязательства, перевода имущества и других сделок. Только угрозы физических мучений или осуждения на смертную казнь могли служить достаточными основаниями для возбуждения дела.

Ст. 22 предусматривала случай, когда контрагента заключили в тюрьму в целях запугивания: „Если кто-нибудь заключит другого в тюрьму и заставит заключить сделку, последняя не будет иметь силы“.

Таким образом, только тогда, когда обиженный мог доказать, что ему угрожала смерть, физические муки или же, когда его бросали в тюрьму, чтобы вынудить заключить сделку, — только в этих случаях он мог возбуждать иск φόβου χάριν. Иначе говоря, „Василики“ воспрещали только такие формы давления, которые нарушали общий строй торговой жизни города.

Необходимо отметить еще одну меру, якобы предупреждающую вынужденные сделки. В ряде законодательных постановлений заключалось строгое запрещение архонтам (по „Василикам“ — ἄρχοντες, по „Кодексу“ — quicumque administrationem gerunt) приобретать во время отправления должности движимое и недвижимое имущество. Согласно „Эпанагоге“,¹ ὁ κρατὼν ὑφίχιον ἐν ἐπαρχίᾳ οὐ δύναται ἀκίνητον ἢ κίνητον ἀγοράζειν ἐν αὐτῇ, εἰ μὴ παρὰ τοῦ δημοσίου, — т. е. лицо, отправляющее должность в провинции, не может покупать ни движимого, ни недвижимого имущества. Разрешалось покупать имущество только через казну (очевидно имелась в виду покупка конфискованных угодий и запущенных земель, перешедших в казну), так как при покупке у казны не могло быть совершено насильственной сделки. Совершенно очевидно, что законодательство считало всякую сделку, совершенную чиновником в управляемой им области, насильственной. Но в законах об иске φόβου χάριν это обстоятельство не признавалось достаточным мотивом.

Запреты должностным лицам совершать сделки повторяются в законах многократно, причем для константинопольских чиновников эти запреты были не столь строги, как для фемных: в столице архонты могли приобретать имущество с разрешения императора, а после сложения с себя должности могли принимать дарения, тогда как в провинции дарственные в пользу бывшего архонта даже по прошествии 5 лет после сложения им должности считались недействительными.² В данном случае мы имеем дело не столько с заботой об ограждении населения от вынужденных сделок, сколько со стремлением не допустить превращения городской знати в поместную.

Лев VI оставил в силе запрет правителям провинций (стратигам) приобретать имущество в управляемой провинции. Рядовым архонтам провинций он разрешил совершать сделки, но только с согласия

¹ Изд. С. Е. Zachariae von Lingenthal. Collectio librorum juris graecoromani ineditorum, Lipsiae, 1852, XXIII, 18—19.

² Basil. IV. 3.51 (из Cod. I, 53, 1).

стратига, тогда как для всех архонтов Константинополя 84 новеллой¹ все ограничения в купле имущества в городе были сняты. В качестве аргументов в пользу издания этого постановления законодатель выставлял следующие мотивы: старинные постановления имели целью оградить население от возможного насилия со стороны властей. Однако, к чему этот запрет, раз в столице, „всякий, бедный и богатый, может пожаловаться на насилие и получить от императора защиту?“ Таким образом, византийское законодательство конца IX в. поощряло захваты чиновничества.

Интересно отметить, что знатные лица не могли применять иск φόρου χάριν. В Basil. X, 2, 23 мы читаем: „Не следует в городе верить знатному человеку, если он, заплатив долг, заявит, что он это сделал под принуждением: ведь он мог пожаловаться архонту и предупредить насилие (ἐν πόλει καταβαλὼν ἀξιωματικός οὐ πιστεύεται λέγων βιαίως μὴ χρεωστούμενον δεδωκέναι — ἡδύνατο γάρ ἄρχοντι προσελθεῖν εἰς τὸ κολῦσαι τὴν βίαν)“.

На первый взгляд этот закон кажется вполне справедливым: как можно застрашивать вельможу? (если не путем угрозы разоблачений, что под закон φόρου χάριν не подпадает). Однако вельможа мог быть принужден угрозами народа совершить какой-либо акт против воли. Такие факты безусловно были. Значит ли, что вельможа, ἀξιωματικός, вообще не имел права жаловаться на „насилие“, как это утверждают Basil. X, 2.23? Оказывается, что знатный мог жаловаться, но не по статье φόρου χάριν, а по более суровому закону — Lex Julia de vi.

Перейдем к разбору статей, относящихся частично или полностью к случаям прямого физического насилия, совершенного без прикрытия какими-либо „благовидными“ предложениями. Подобные случаи рассматривались в Dig. XLVIII, 16 (ad legem Juliam de vi privata), Dig. XLVIII, 6 (ad legem Juliam de vi publica). [оба эти титула соединялись в Cod. IX, 12], Dig. XLIII, 16 (de vi et de vi armata), Cod. VIII, 4 (unde vi), Institutiones 4,2—Cod. IX, 33, Dig. XLVII, 8 (vi bonorum raptorum), Dig. LLI, 3 (de usurpationibus), Dig. XLIII, 17 Cod. VIII, 6 (uti possidetis), Dig. XLIII, 31 (de utrubi), Cod. VIII, 5, Dig. XLIII, 16 (si per vim perturbata sit possessio).

В „Василиках“ эти статьи сосредоточены в разных местах: Basil. L, 3 (περί καταχρήσεων), Basil. LVIII, 17 (περί βιαιῶς πραγμάτων ἀρπαγέντων, καὶ περί ὀχλαγωγίας καὶ περί βίας ἐνόπλου), Basil. LX, 18 — (ἐκ τοῦ νόμου τοῦ Ἰουλίου περί βίας δημοσίας καὶ ιδιωτικῆς). 60-я книга дошла со всеми схолиями полностью, поэтому при ее разборе мы можем пользоваться подробными разъяснениями византийских комментаторов.

В титулах 17 и 18 самым аккуратным образом выписаны все статьи „Дигест“, рассматривающие вопросы о насилии, с многочисленными и подробными схолиями, предусматривающими мельчайшие детали. Схолии подробно комментируют постановления „Дигест“, вошедшие в „Василики“, причем прежде всего разбирается вопрос, под какой закон попадает данная форма насилия.

В этих титулах рассматриваются случаи насильственного захвата земельного участка. Насильственный захват деревянного дома квалифицируется иначе, чем захват каменного (Basil. LX, 17.7, sch. 12); особо квалифицируется захват корабля или коляски, присвоение имущества в захваченном доме или вне его; особо рассматриваются захваты при помощи толпы вооруженной или невооруженной, специально созданной или собравшейся произвольно.

¹ C. E. Zachariae von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, v. III. Lipsiae, 1857.

„Василики“ строго запрещают акты насилия, совершаемые вельможами. Случаи осуществления насилия со стороны влиятельных лиц при помощи вооруженных рабов или зависимых людей были, очевидно, нередки. В проповедях и в сочинениях историков нередко рассказывается о захвате „сильными“ людьми у „слабых“ домов, участков земли, проастиев. Этот захват осуществлялся, разумеется, через подосланных зависимых лиц. В „Василиках“ эти случаи рассматриваются в особом титуле (Basil. LX, 17).

В схолии 5 предусматривается случай, когда кто-нибудь соберет людей, рабов или свободных, безоружных или вооруженных (Basil. LX, 17.2, sch. 5). Очевидно речь идет о насилии со стороны вельмож при помощи вооруженных или невооруженных рабов или наемных лиц. Примеры судебных процессов, возбужденных в связи с подобными актами насилия, приводятся в „Пире“.

Однако в этих законах и судебных процессах нельзя видеть стремление защитить слабого и бедного от сильного. В отдельных случаях насилие угрожало не только мелкому собственнику, но и государственной власти, т. е. интересам господствующего класса в целом.

Только насильственные действия, совершенные через посредство вооруженных или невооруженных подчиненных людей, подпадали под закон Юлия о насилии общественном и частном — *Lex Julia de vi publica et privata* (Basil. LX, 18). При этом действие народной толпы рассматривалось как опасное преступление, тогда как совершенное один-на-один принуждение со стороны могущественного соседа квалифицировалось значительно мягче.

Анонимный схолиаст к Basil. LX, 18.5 прибавляет: „Надлежит знать, что в том случае, когда кого-либо толпа — вооруженная или безоружная — принуждает действовать против воли, надлежит возбудить дело *περί βίας* (*Lex Julia de vi et metus causa*). Если же кто-либо один-на-один будет вынуждаем к этому (*ἀπειληθῆ*) динамом или лицом, облеченным властью, то имеет место только иск *metus causa*“.

По закону каждый мог защищаться; против насильника можно было применить силу, против вооруженного нападения — оружие. „Надлежит силу отражать силой, оружие оружием!“ (*ἐξέσται βία τὴν βίαν ἀποδείσθαι καὶ ὅπλα ὅπλοις*).¹ Этот вывод несколько странно звучит, если принять во внимание, что согласно Basil. LX, 18.1, по закону „Об общественном насилии“ (*περί βίας δημοσείας*) должен был отвечать тот, кто имеет оружие или в своем доме, или на своем участке земли или в имении (*ἐν τῷ χωρίῳ*). Ст. 2 уточняла это постановление: оружие могли иметь лишь для охоты, или путешественники, мореплаватели, торговцы, а также те, кто получили оружие по наследству. Таким образом, знать и богатые торговцы имели право хранить оружие и, следовательно, отражать насилие с оружием в руках. Простой горожанин или крестьянин не подходил бы ни под одно определение Basil. LX, 18.2 и, отражая насилие, сам попал бы под действие ст. 1 этого титула.

Постановление „Василик“ о сопротивлении с оружием в руках фактически нужно понимать только как право знатных лиц отражать вооруженной силой народные выступления.

Статьи Basil. LX, 18 под насилием понимают фактически народные волнения против знати — ст. 5 (по Dig. XLVIII, 6, 5) предусматривается случай, когда кто-либо собирает толпу для беспорядков (*ταραχῇ*) или поджога (*ἐμπρησμός*). При этом приводится пояснение римского юриста

¹ Basil. LX, 17.7, 27.

Павла, что „вооруженными считаются все те, кто имеет что-либо вредоносное“ (ἐνοπλοὶ εἰσὶ οἱ ὅτινοῦν βλαπτικὸν ἐπιφερόμενοι),¹ — очевидно, даже палку или камень. При этом если даже один участник толпы является „вооруженным“, нападение квалифицируется как вооруженное, хотя бы „оружие“ и не применялось — „достаточен один страх перед оружием“ (ἀρκεῖ γὰρ μόνος ὁ φόβος τῶν ὅπλων).²

Если кто-нибудь захватит чужое имущество, то подвергшийся нападению имеет право защищаться, но только немедленно, как требуют „Дигесты“ и как, по всей вероятности, гласил первоначально текст „Василик“.³ „Законно мне отражать оружием того, кто с оружием напал, однако немедленно. И разрешается не только защищаться, но и выгнать обратно (захватчика), однако только сейчас же (без перерыва во времени) (οὐ μέντοι μετὰ διωρίαν)“.

В схолиях слова „но без перерыва“ (οὐ μέντοι μετὰ διωρίαν) толкуются по-разному. В схолии 9 — слово διωρία понимается как перевод латинского intervallum, промежуток времени. Но в схолии 10 διωρία читается διωρία — что произносится одинаково, но имеет другой смысл — 2 часа. Из схолии 11 явствует, что это понимание слова διωρία стало общепринятым: „Заметь, что насильно изгнанный владелец имеет полное право с оружием в руках изгнать захватчика, однако в продолжении двух часов“ (πλήν εἰς ὥς δύο ὥρῳ). Схолиаст рассматривает такое понимание текста как обязательное, но прибавляет, что, по его мнению, (φρονῶ) это неправильное понимание „Василик“, так как „Василики“ имеют в виду не два часа, а intervallum, т. е. всякий промежуток времени (οὐδὲ γὰρ διωρίαν ἔχει ὁ βασιλικός, ἀλλὰ διωρίαν, ὅπερ ἐστὶ μετὰ καιρόν).

Что означало это предписание, разрешающее выгнать захватчика не позднее как через два часа после совершения насилия? Представим себе дом вдовы, участок земли под которым приглянулся какому-то вельможе. Предположим, что никакие угрозы не подействовали, вдова отказалась продавать дом. Вельможа силой захватил дом, выгнал вдову, надеясь, что использует на суде свое влияние. В таких случаях она могла бы обратиться за помощью к соседям, созывать на помощь народ.

В Basil. LX, 17.4 sch. 3 подробно описывается, как толпа собирается на чей-либо крик: „Помогите!“ (ἐν τῷ κράζειν: ἐλεήσατε). Иначе говоря, толпа собирается из сострадания к потерпевшему (ἐκ τοῦ πρὸς αὐτὸν οἰκτροῦ).

Совершенно ясно, что собрать достаточно большую толпу из соседей, объяснить в чем дело, организовать нападение на захватчика, — на это все потребуются во всяком случае не менее 2 часов.

Всякая попытка прогнать из своего дома захватчика, предпринятая позднее установленного срока, квалифицируется как преступление — „второе насилие“ (δευτέρα βία).⁴ В Basil. LX, 17.7 мы находим объяснение: „Если я тебя выгоню из (захваченного тобою) моего же участка, то это не значит, что участок будет возвращен мне, так как я буду отвечать за насилие“ (περὶ βίας). Когда разбирается дело о насилии, в первую очередь решается вопрос, кто осуществил насилие, а не кто имеет право на владение: в Basil. LX, 18,5 sch. 3 объясняется: „Сначала нужно расследовать вопрос о насилии и только после того судить о праве на собственность или владение“. Если захватчик будет изгнан

¹ Basil. LX, 18.9 и LX, 17.9.

² Basil. LX, 17.9, sch. 5.

³ Basil. LX, 17.9.

⁴ Basil. LX, 17.9, sch. 10.

силой, то он в первую очередь должен быть восстановлен в правах владения.¹

Собственник, отнявший свою собственную вещь при помощи насилия, не имея судебного решения (*δίχα δικαστικῆς κελυσεως*), теряет право на эту вещь (*ἐκπεσεῖται αὐτοῦ*) — даже, если он хозяин этой вещи (*εἰ μὲν δεσπότης ἐστίν*).²

Закон особо указывал, что в случае, если имел место иск *περὶ βίαις*, никакого рассмотрения вопроса о праве владения не могло быть: „Если ты выгонишь меня с участка, которым я владею или вследствие насилия, или тайно, или прекарно, я получу обратно и участок и все движимое на нем имущество“.³

Законодательство выступало против всякого применения силы, особенно, если „толпа“, народные массы организуют расправу с захватчиком.

Если во время насильственных действий будет совершено убийство, то ответственность возлагается, согласно Basil. LX, 18, 25 на нападающую сторону, независимо от того, кто был убит. Согласно этой статье захватчик мог безнаказанно убить хозяина, пытающегося прогнать его из своего же дома. По закону захватчик отвечал четверократной стоимостью захваченного, если дело было возбуждено в течение 1 года после захвата, и в размере его стоимости, если прошло больше 1 года, но меньше 30 лет. Однако выступающие с оружием (хотя бы с целью вернуть несправедливо отнятое) осуждаются на вечную каторгу,⁴ а если нападение соединено было с расхищением имущества или поджогом, то присуждаются к смертной казни.⁵

По закону те, кто посылал безоружных людей для захвата чужого имущества (в первую очередь недвижимости), карались потерей состояния и лишением званий.⁶

Но, несмотря на строгость законодательства, было много возможностей применить к знатному захватчику более мягкие постановления, даже если он будет признан виновным.

Basil. X, 2,9,1 предусматривают случаи совершения насилия: 1) одним лицом, 2) народными массами, 3) цехом или коллегией (*εἴτε τὴν βίαν εἰς ποίησει, εἴτε δῆμος, ἢ σύντημα, ἢ σωματεῖον*).

На основании этой статьи можно было бы предположить, что ремесленники целым цехом „совершали насилия“. Но мы видели, что под „насилием“ часто нужно понимать защиту своих прав. При таком истолковании термина *βία* данная статья о насилии со стороны народа и цехов делается совершенно ясной.⁷

Мы видим таким образом, что авторы „Василик“, заинтересованные в том, чтобы суд и расправа не совершались помимо государства, чтобы не осуществлялось кулачное право и функции государства не переходили частным лицам, тем не менее защищали не столько мелкого собственника от захватов со стороны знати, сколько знатных захватчиков от народной расправы.

¹ Basil. LX, 17.7, sch. 49.

² Basil. L, 3.55. Ср. Пира, XLII, 20 и Синописис, изд. С. Е. Zachariae von Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, v. V, 1870, p. 140.

³ Basil. LX, 17.20 и схолии 1—2.

⁴ Basil. LX, 18.10, 2.

⁵ Basil. LX, 18.11.

⁶ Basil. LX, 18.12.

⁷ Статья включена в „Василики“ из Dig. IV, 2,9,1 вполне сознательно: несоответствующие условиям новой эпохи положения „Дигест“ исключены из текста „Василик“.

Византийское право более позднего времени, полностью восприняло из Юстинианова права противопоставление понятий *possessio* — владение и *dominium, proprietas* — собственность. В Юстиниановом праве владение обозначало фактическое обладание вещь или недвижимостью, независимо от того, на каком основании покоится это обладание, „законном“ (наем, вручение на сохранение, отдача под залог и т. д.) или даже „незаконном“. Буржуазные юристы считали, что этого требовало „спокойствие гражданской жизни, гражданский мир, а вследствие этого даже интересы самих собственников“.¹

Во время составления Юстинианова свода уже чувствовалось, в связи с разложением античной собственности, возникновение элементов формирования новой, феодальной собственности, и противопоставление *possessio* и *dominium* стало приобретать новый феодальный смысл. „Василики“ сделали это противопоставление владения и собственности еще более рельефным. „Нет ничего общего между собственностью и владением“ (*οὐ κοινῶν ἐστὶν ἡ δεσποτεία τῇ νομῇ*), формулируется в Basil. L, 2.11, положение Dig. XLI, 2, 12.1.

Во время издания „Василик“ это противопоставление имело особый смысл. В провинции создавалась феодальная собственность, и статьи о защите владения стимулировали и защищали фактически (если пока не юридически) возникновение этой новой собственности. А в городе-эмпории шел процесс наступления на мелкую трудовую собственность. И в данном случае выдвижение на первый план понятия владения было обусловлено коренными интересами господствующего класса больших городов-эмпорий.

В „Василиках“ представления византийского права о владении и собственности развиваются в 50-й книге, которая, к сожалению, полностью не сохранилась.

Владение обозначается термином *νομή*, собственность — *κυριότης* и *δεσποτεία* (последнее преобладает в тексте). Заглавие основного титула о собственности следующее: *Περὶ τῆς ἐκ διαφόρων τρόπων συνισταμένης κυριότητος διὰ χρόνιαν νομῆς*, т. е. „О различных способах возникновения собственности в результате длительного владения“. В „Дигестах“ (XLI, 1) заглавие соответствующего титула иное: *de acquirendo rerum dominiō*. Принцип перехода через владение к собственности выражен в „Василиках“ очень ярко.

Четко и ясно подчеркивается в ряде статей, что интересы защиты владения стояли в законодательстве на первом плане. Преимущество владельца состояло в том, что он не обязан был доказывать законность владения. Если насильником был захвачен дом или виноградник и если собственник возбуждал процесс против насильника, *onus probandi* лежал не на насильнике, а на собственнике, который хотел восстановить свое владение. Не насильник должен был представить доказательства своего права владения, а истец. Суд разбирал документы и заслушивал свидетелей со стороны истца, — и если истец не мог представить вполне удовлетворительные доказательства, то выигрывал дело фактический владелец, так как от него не требовалось никакого доказательства законности владения. „Если возбуждающий дело о вещи не докажет, что он собственник, в судебном процессе побеждает обвиняемый, хотя бы и ничего не представив в доказательство“ [*Ἐὰν ὁ τὴν περὶ πράγματος ἀγωγὴν κινῶν μὴ ἀποδείξῃ ἑαυτὸν δεσπότην, πάντως ὁ ἐναγόμενος νικᾷ*].

¹ И. А. Покровский. История римского права, изд. 4-е, Пггр., 1918, стр. 266.

κάν μὴδὲν αὐτοῖς ἀποδεικνύων (Basil. XXII, 1, 36) ὁ ἐναγόμενος ἀποδεδεῖξιν οὐ βαρεῖται (Basil. XXII. 22, 1.42)].

В статье, где регламентируется ведение тяжбы о рабе, законодатель указывал, что сначала должен быть расследован вопрос о владении, и только потом уже вопрос о собственности (πρότερον... περί τῆς νομῆς ἐξέτασις γενέσθαι, καὶ τότε ἡ περί δεσποτείας ζήτησις τρυφείη).¹

Владение (как законное, так и незаконное) защищалось гораздо энергичнее, чем юридически законная собственность.

В случае, если в отсутствие владеющего кто-либо захватит владение и если владеющий оставил кого-либо, — раба, мистота, друга, родственника, отца, — то архонт должен был немедленно вернуть владение сторожу (ὁ ἀρχὼν ἀποκαθιστᾷ τὴν νομὴν τῷ φύλακι).²

Ничего подобного не было в отношении восстановления собственности: предстоял длительный процесс с изучением оснований собственности. Власти были ограничены в отношении применений воздействия на несправедливо владеющего имуществом.

Передавая текст Cod. VIII, 5.2 в Basil. L, 3.6, авторы подчеркивают, что власти не имеют права изгнать из владения захватчика в его отсутствие до тех пор, пока не явится сам захватчик.

„Если отсутствующий имеет чужое имущество, мы не можем его изгнать из владения ни письменным ответом на жалобу, ни распоряжением архонта. Но необходимо ждать (возвращения) отсутствующего“ (ἐάν ἀπὼν ἐχῇ ἀλλότριον πράγμα, οὐδὲ ἀπὸ ἐντιγραφῆς ἢ κελεύσεως ἀρχοντικῆς δυνάμεθα τοῦτο ἀποσπᾶν ἀπὸ τοῦ νομέως, — ἀλλὰ δεῖ τὸν ἀπόντα μείναι).

„Василики“ в данной статье формулируют мысль гораздо более четко, чем Кодекс.

Человек, насильственно лишенный владения, мог возбудить дело περί βίας — и суд немедленно присуждал ему, помимо возврата владения, также и возвращение дохода от владения, притом не в том количестве, которое извлек изгнавший, а в том, какое мог бы иметь владелец, если бы его не изгнали из владения (καὶ ἀπαιτεῖ κάρπους, οὓς ἦδυνάτο λαβεῖν ὁ βιασθείς, οὐ μὴν ὁ βιασάμενος).³ Имущество, похищенное насильником, находилось под защитой закона до тех пор, пока не возбуждался иск об изъятии незаконного владения (exceptio vitiosae possessionis) и не последует решения о передаче его законному хозяину. (Законный хозяин „из страха“ мог вовсе не возбудить судебного дела — и похититель свободно мог распоряжаться похищенным.)

Титул о восстановлении во владении (εἰς τὸ κατασχεῖν νομὴν ἔτοι περί τοῦ uti possidetis)⁴ имел ту же цель — воспрепятствовать самостоятельному выступлению обиженного и защищал не собственность, а владение.

Византийское право защищало владельца от насильственных действий собственника и в том случае, когда этим владельцем становилась казна. Basil. L, 3.55 (из Cod. VIII, 47) предусматривали случай, когда законный хозяин стремился силой вернуть свое имущество, незаконно захваченное правительственным агентом: „Если кто-нибудь силой отнимет имущество, которое находилось во владении казны или какого-либо лица, то даже если это был сам хозяин, он лишается его“ (ἐάν τις, ἡ τοῦ δημοσίου ἢ ἄλλου τινὸς νεμομένου πράγμα, βία ἀφέληται αὐτό, εἰ μὴν δεσπότης ἐστί, ἐκπεσεῖται αὐτοῦ).

¹ Basil. XV, 1.92 из Cod. III, 32.13.

² Basil. L, 3.60.

³ Basil. L., 3.31.

⁴ Basil. LVIII, 17.

Помимо интердиктов *uti possidetis, unde vi, bonorum raptorum*, имущество захватчика охранялось специальными исками в тех случаях, когда он передавал его в пользование или отдавал в залог.¹

Если собственник увидит у вора свою украденную вещь, он может ее украсть у вора. Вор не имеет права обвинить собственника в воровстве (*περὶ κλοπῆς*). Собственник может сломать у вора свою вещь. Вор не может возбудить иск о нанесении ему убытка (*περὶ νόμου τοῦ Ἀχουιλίου περὶ ζημίας*), так как вещь не принадлежала ему. Но если собственник отнимет (с применением насилия) свою вещь, то вор может подать в суд по статье *bonorum raptorum* или *περὶ βίας*. В этом случае суд не должен был считаться с тем, что насилие совершал собственник, стремившийся вернуть свою вещь.

Если мы представим, что захваченная вещь — дом, — то понятно, что дом можно возратить только силой, выгнав насильника. Именно это и возбранялось. Правда, ограбленный собственник мог подать в суд, но пока суд не наложит интердикт, насильник полностью и безопасно пользовался захваченным.

Не всегда было безопасно подавать в суд. Иногда запуганный бедняк не решался выступить против могучего архонта. Ведь в текст „Василик“ был включен принцип Юстинианова права, объявлявший святотатством сомнения в достоинствах лица, которому императором доверено выполнение должности (*τὸ ζητεῖν, εἰ ἄρα ἁγίος ἐστὶ τῆς ἀρχῆς ὁ πιστευθεὶς αὐτὴν — ἱεροσυλία ἐστὶ*).² Легко можно было жалобу на влиятельного архонта подвести под статью о святотатстве, за которой следовала казнь или в лучшем случае изгнание и конфискация. Совершенно ясно, что всякая жалоба против влиятельного вельможи была сопряжена с риском, и потому простой человек нелегко решался на подобную жалобу. В таком случае захватчик мог считать себя в совершенной безопасности.

В „Василиках“ сохранено положение *Cod. III, 7.1* о том, что „никого нельзя принуждать возбуждать имущественный иск или уголовное обвинение, если обиженный сам того не желает (*οὐδεὶς οὐδὲ χρηματικὴν δίκην κινεῖν, οὐδὲ ἐκκλησία γυμνάζειν κατὰ τινος ἀναγκάζεται, μὴ βουλομένου*).³

О невозможности судиться с крупным вельможей говорят и новеллы императоров X в. Император Василий II в новелле 996 г. считал почти невозможным добиться законного возвращения собственности от крупного вельможи, который рассуждал: „Пока я в настоящее время при власти, не может против меня бедняк возбудить дело...“ (*ἐπεὶ ἐγὼ σήμερον ἐντμηρῶ — καὶ οὐ δύναται κατ' ἐμοῦ ὁ πένης κινῆσαι...*).

Василий II говорит в новелле 996 г. о положении в провинции, но его слова о невозможности для бедняка судиться с лицом, облеченным властью, касались, хотя и в меньшей степени, и городских центров.

Как в тексте „Василик“, так и в схолиях, те постановления „Дигест“, которые можно было использовать к выгоде высокопоставленных захватчиков, воспроизведены со всею тщательностью. Хотя византийское право пыталось казаться вполне беспристрастным, при детальном разборе текста и схолий „Василик“ от формальной беспристрастности законодательства не останется и следа. В *Basil. LX, 39.14 sch. 1* говорится: „Каждый в опасности должен полагаться на себя и не ждать, пока ему придет помощь со стороны закона“ (*χρὴ ἕκαστον ἐν τοῖς κινδύ-*

¹ См. *Basil. XIII, 1.16* (и схолия) и *Basil. XIII, 2.31, 1*.

² *Basil. LX, 45.19*.

³ *Basil. VII, 19.4*.

νοῖς ἐαυτῶ βοηθεῖν καὶ μὴ περιμεῖναι τὸν νόμον) — это, конечно, на деле могло быть использовано только богатым собственником „ойкии“, имеющим многочисленную челядь. Согласно этой статье, каждый, убивший нападающего, не подлежал ответственности, „если дело шло о жизни“.¹ Схолия 2 специально разъясняет, как понимали тогда слова „дело идет о жизни“; из нее следует, что обороняющиеся только в том случае не несли ответственности за убийство, если не могли бежать (περὶ τῆς ζωῆς ἐκινδύνευσεν, — τούτέστιν, εἰ μὴ ἠδύνατο φυγεῖν ἀσφαλῶς). Значит, если имелась возможность бежать, сопротивляться вооруженному нападению не разрешалось... Следовательно, напрашивается вывод: если знатный напал с целью захвата на простого собственника, то последнему оставалось только бежать и возбуждать перед судом дело, которое могло и затянуться, а до решения суда захваченная собственность попадала под защиту закона. Далее, о самозащите законного владельца в Basil. L, 3.48 говорится, что противодействовать насилию следует приличествующим образом и умеренно (πρέποντως καὶ συμμετρημένως).

Конечно, сильный и богатый собственник мог защищаться от грабителей с помощью своей челяди, не поднимая особого шума (θόρυβον), но бедняк мог сопротивляться захватчику только путем привлечения на помощь толпы, а это не могло совершиться „приличествующим образом“, так как привлечение толпы на помощь входило в понятие „охлагогии“. Если в результате выступления на помощь толпы происходил θόρυβος, то возбуждалось дело об „охлагогии“ даже в том случае, если не сам пострадавший созвал толпу.² Имеется в „Василиках“ еще одна оговорка в интересах захватчика, запрещающая в том случае, если захватчик не имел целью убийство, но лишь захват имущества, убивать его, а знает и защищаться с оружием в руках (ἐάν οὖν προέλαβεν οὐ ψυχῇ τοῦ φονεῖν, ἀλλὰ ψυχῇ τοῦ τυχόν ἀποδῶσαι, οὐκ ὀφείλει φονεῦσθαι).³ Эта оговорка совершенно обезоруживала защитника своего участка или дома. Ведь влиятельный захватчик действительно не имел цели убивать, его цель была захватить чужую недвижимость...

Интердикт unde vi, согласно Basil. LX, 17.7, применялся не при всяком случае насилия, но лишь если насилие признавалось тяжким: οὐ πρὸς πᾶσαν βίαν, ἀλλὰ πρὸς μόνην τραχείαν.

Само собой разумеется, что это давало возможность судье произвольно отказаться от применения интердикта под предлогом, что насилие не было „тяжким“. От судьи фактически зависело, подвести ли случай под статью об общественном насилии, περὶ βίας δημοσίας (грозила конфискация всего имущества) или под статью περὶ βίας ιδιωτικῆς (конфискация одной трети имущества).⁴ Имела значение также и разница в наказании — в случае, если столкновение окончится убийством, знатному виновному грозило изгнание, а простому человеку — смертная казнь.⁵ Знатный рисковал меньшим даже в случае полного признания его виновным. К тому же влиятельное лицо, имевшее большое количество рабов и наемных слуг, всегда могло остаться безнаказанным, заявив, что его рабы и слуги совершили нападение без его приказа. Согласно Basil. LX, 17.7 (из Dig. XLIII, 16, 1, 15) господин мог выдать рабов для наказания и остаться свободным от обвинения: εἰς νόξαν ἐκδι-

¹ Basil. LX, 39.14 (из Cod. IX, 16.2).

² Basil. LX, 17.4, sch. 3.

³ Basil. LX, 39.15, sch. 1.

⁴ Basil. LX, 17.7, sch. 7.

⁵ Basil. LX, 39.3,5 (из Dig. XVIII, 8.3,5).

δωμι τοὺς δούλους καὶ ἄλλήμιος μένω. Переложить вину господин мог не только на рабов, но и на наемных лиц — мистиев.¹

В „Василиках“ мы находим явное противоречие, важное для судопроизводства в делах о восстановлении во владении. В титуле, касающемся интердикта *uti possidetis* и озаглавленном *εἰς τὸ κατασχεῖν νομὴν* — „о восстановлении владения“,² основной мыслью является, что восстанавливается любое владение; трижды подчеркивается, что закон восстанавливает во владении, даже если оно по существу незаконно... Но в другой книге, в титуле *περὶ καταχρήσεων καὶ νομῶν* — „о захватах и владениях“³, приводится тот же интердикт *uti possidetis*, но в измененном тексте Юстинианова Кодекса (Cod. VIII, 6), где высказывается противоположная мысль: „Когда идет разбор дела об удержании владения, побеждает тот, кто владеет не силой, не тайно или не на основании прекарного права“ (*ὅτε ἡ τῆς διακατοχῆς κινεῖται ἀγωγή περὶ νομῆς καὶ ἐκεῖνος, ὁ μῆτε βίᾳ, μῆτε λάθρα, ἤγουν κατὰ παράκλησιν νεμόμενος*). Противоречие очевидное; но оно давало простор для коррупции, так как от судьи зависело отнести один и тот же случай, юридически требующий интердикта *uti possidetis*, либо к титулу *περὶ καταχρήσεων*, либо к титулу *εἰς τὸ κατασχεῖν νομὴν*. Нам кажется, что составителями „Василик“ это противоречие сохранено сознательно. Дело в том, что обычно в „Василиках“ вслед за переложением положений „Дигест“ приводятся переложения отрывков из „Кодекса“. В данном случае составители „Василик“ отступили от своего обыкновения и поместили один и тот же интердикт *uti possidetis* в книге 58-й (из Dig. XLIII, 17) и в 50-й (Cod. VIII, 6). Такие противоречия в законодательстве были удобны как для защиты собственности городских владельцев, так и для допущения захватов со стороны влиятельных лиц. Очевидно текст „Василик“ составляли искушенные в делах классовой юстиции юристы.

В статьях о защите владения особенно ярко проявляется боязнь действий случайно собравшейся толпы. Basil. LX, 17.4 (из Dig. XLVII, 8.4.6) идет речь о такой толпе случайно собравшихся людей, которые сбежались по просьбе потерпевшего. При этом подчеркивается, что виновным в „охлагогии“ является и тот, который своими словами привел толпу в возбуждение, хотя бы и не руководил ее поступками. В схолии 1-й объясняется, что под понятие *ὄρρυος* („народные беспорядки“) подпадает созыв толпы в 10 человек. Всякое движение взволнованных масс завершалось разгромом и поджогом имущества богачей и феодалов и каралось по закону самым ужасным образом: „Простые и бедные свободные, совершающие поджоги в городе вследствие вражды или грабежа, обезглавливаются или сжигаются“ (*οἱ δημόδεις καὶ εὐτελεῖς ἐλεύθεροι ποιοῦντες ἐμπρησμοὺς ἐν πόλει δι' ἑχθρὰν ἢ πρᾶϊδαν, ἀποκεφαλίζονται ἢ καίονται*).⁴ При этом во 2-й схолии подчеркнуто, что эти суровые наказания применялись лишь в случаях народных волнений в городе: *ἐπὶ πόλεως δέ τ' νοεῖν*; в деревне же этот закон не применялся: „Более снисходительно наказываются те, кто сжигает избу или посев“ (*ἐλαφρότερον δὲ τιμωροῦνται οἱ καλύβην ἢ ἀγρὸν καίοντες*). Совершенно ясно, что в таком центре, где бок о бок сосуществовали невероятная роскошь и невыносимая нищета, господствующему классу было за что тревожиться.

¹ В Basil. LX, 17.7 они названы „теми, которых мы имеем вместо рабов“ (*οὓς ἐν τόπῳ δουλῶν ἔχομεν ἐλευθέρους ὄντας*); в схолиях 27 и 28 к этой статье употреблен термин *μίσθιοι* и отмечается, что мистии находятся на положении рабов.

² Basil. LVIII, 17.

³ Basil. L, 3.62.

⁴ Basil. LX, 51.12 (из Dig. XLIII, 19.28, 12).

В условиях большого города-эмпории, разумеется, должны были действовать известные нормы, направленные на сохранение спокойствия, и для самоуправства влиятельных лиц было меньше простора, чем в деревне. В деревне меньше стеснялись — согласно Basil. LX, 39.16, в деревне можно было безнаказанно убить всякого, попавшегося на пути, если тот замыслил напасть (ἐπιβουλεύοντα τοῖς παριοῦσι...), причем во 2-й схолии к этой статье прибавлено, что „не следует при этом разбирать, является ли тот стратиотом или крестьянином“ (οὐδεμία διαφορά ἐν τούτῳ — στρατιώτου ἢ παχυνού). Но в городе надлежало быть осторожнее: в 1-й схолии, поясняющей ту же статью говорится: „В городе нельзя было допускать убийства, разве только в случае, если иначе не было возможности избежать опасности“ (τὸν γὰρ ἐν πόλει οὐκ ἐξεστὶ φονεῖν, εἰ μὴ ἄλλως οὐκ ἡδύνατο διαφυγεῖν τὸν κίνδυνον). При этом авторы „Василик“ дают ссылку на Dig. LVIII, где, впрочем, о городе ничего не говорится.

В законодательстве „Василик“ охрана земельной собственности проявлялась недостаточно ярко. Там приведен фрагмент из Cod. VIII, 4.5, гласящий, что человек, который захватит пустующую землю, обязан по жалобе собственника вернуть ее без применения обвинения по статье unde vi.¹ Тогда захват владения всегда подпадал под этот интердикт. И это вполне понятно, ибо при охране владения речь шла о конкретном, доходном участке, при охране же права собственности — речь шла о пустующем, бездоходном, даже убыточном участке. Только значительно позднее, когда власть собственника-землевладельца примет характер сеньориальной, т. е. облеченной прерогативами верховной власти, принцип собственности над землей получит в деревне решающее значение. Но к тому времени собственность на землю будет уже феодальной.

Заканчивая исследование о законах по охране владения, мы приходим к выводу, что „Василики“ не только отражали условия большого города-эмпории X—XI вв., но и стимулировали происходившие в то время процессы; они содействовали в городе — накоплению богатств в руках немногих богачей, а в деревне — наступлению на мелкого земельного собственника. Признание полной неприкосновенности рабства придавало „Василикам“ характер реакционного документа, но этот реакционный документ как в городах-эмпориях, так и в деревне использовался в интересах развивающегося феодализма.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

- Cod. — Codex Iustinianus, rec. P. Krüger, Berl. 1906.
 Dig. — Digesta, rec. Th. Mommsen, Berl. 1908.
 Basil. — C. D. E. Heimbach, Basilicorum libri LX, Lps, 1833—70.
 Папа — Peira, ed. C. E. Zachariae von Lingenthal, Jus Graeco-Romanum, v. I, Lps. 1856.

¹ Basil. L, 3.32.